

Мастер-класс по цзяню: красивейшее из ста видов оружия

Ши Ньяо

Цзянь был тем оружием, к изучению которого в монастыре особо не стремились. Исторически сложилось, что воины, предпочитавшие эффективность, выбирали другие клинки, например, мощный короткий дао. Те же, кто тяготел к искусствам, предпочитал изучать литературу и каллиграфию, а не боевые техники. Но Ньяо все же решил, что среди жителей и гостей монастыря будут те, кому станет как минимум любопытно больше узнать об изящном длинном мече, оружии книжников, философов и аристократов, коих, как считалось, после революции не должно было остаться.

- Здравствуйте, - произнес Ньяо, когда на тренировочной площадке собрались ученики.

Он был одет в форму мастера монастыря: черные брюки и оранжевую рубашку, поверх которой была накинута легкая шерстяная куртка. В руках старшего мастера был длинный меч цзянь, украшенный красной кистью.

- Сегодня я немного расскажу вам о мече цзянь, который считается самым изящным китайским оружием. Из всех мечей цзянь считается наиболее подходящим для тех, чьи руки больше привыкли к кисти, а не к дракам, но это не означает, что он не эффективен. Техники владения мечом цзянь - это искусство, танец, но в то же время мастер меча способен постоять за себя в бою не хуже воина с дао или катаной, - сказал Ньяо. - У цзяня прямой клинок, заточенный с двух сторон, который сужается к острию. Это - одноручное оружие. Меч предназначен для нанесения рубящих и колющих ударов. Также в технике владения цзянем много разнообразных подрезок. Рука защищена надежным перекрестием. Цзянь - наступательное оружие, им нельзя блокировать атаки, а мастер меча должен уметь ловко уходить от ударов противника, а не идти напролом. К рукояти цзяня крепится кисточки. С одной стороны, кисть отвлекает противника, с другой - украшает меч. Потому что некрасивых цзяней просто не существует. Выберите себе оружие. Длина меча должна соответствовать длине вытянутой руки. Если взять меч в руку таким образом, чтобы выпрямленный указательный палец упирается в утолщение на конце рукоятки, то острие меча должно доходить до вашего уха.

Для этой тренировки Ньяо подготовил несколько тренировочных мечей. Они были металлическими, но без заточки. Эти цзяни все равно были украшены кистями и гравировками на клинке, потому что так было правильно.

- Сегодня я предлагаю вам выучить одно базовое упражнение, которые позволят вам подготовить руки к работе с цзянем. Встаньте в позу всадника. Кому пока сложно - просто поставьте ноги на ширине плеч и немного их согните. Первое упражнение - вращать острием меча. Рука с мечом вытянута вперед, острие меча направлено вперед. Плечи расслаблены, локоть немного согнут. Если тяжело - свободная рука может поддерживать ту, что с мечом, с районе локтя. Острие меча

описывает круг по часовой, затем против часовой стрелки. Начинать следует с небольшого круга, постепенно амплитуда и скорость увеличиваются. Кисть движется плавно, её положение не меняется. Выполнив упражнение правой рукой, повторите левой. Если круг уже получается, попробуйте написать иероглиф или латинскую букву, - Ньяо встал в позу всадника и, показывая упражнение, написал в воздухе несколько иероглифов. - Потом, например, строчку любимого стихотворения. Каждое упражнение повторяйте обеими руками. Я не ограничиваю вас по времени, работайте, пока хватит сил.

Мастер-класс закончится в ночь на 19.02. Приглашаются все желающие, чей навык владения цзянем не выше Послушника. Игровое время - осень, полдень, солнечно, холодно, ветрено.

Маргарита Эрнандес

Что Маргарита знала про цзянь? То, что движения этого меча отличались красотой и изяществом и им можно было наносить колющие удары, а также то, что это оружие подходило не каждому, кто решил познакомиться с классическими китайскими боевыми системами. Пожалуй, на этом все знания рыжей об этом необычном мече и исчерпывались. Занятия, позволяющие научиться работе с цзянем, проводились редко, а у своей собственной наставницы Рита, увлекшись работой с другими видами оружия, так и не удосужилась перенять какие-нибудь полезные навыки, способные ей помочь на мастер-классе у Ши Ньяо, который испанка после некоторых раздумий все же решила посетить.

Свое занятие мастер начал с рассказа о самом мече и его особенностях. Факт того, что цзянь больше подходил для руки, привыкшей к работе с кистью, Маргариту немного огорчил, поскольку ее успехи в каллиграфии останавливались где-то на уровне - «точка, точка, запятая, вышла рожица кривая». Но, не привыкнув долго прибывать в состоянии уныния, рыжая, выбросив все неприятные мысли, сконцентрировалась на излагаемой Ши Ньяо информации. Научиться предстояло многому, и, как подсказывала девушке интуиция, в этом нелегком процессе любая мелочь могла оказаться очень значительной.

Познакомившись с основными теоретическими моментами, Рита выбрала один из тренировочных мечей, длина которого, как объяснил ранее мастер, примерно соответствовала длине ее вытянутой руки. Сделав несколько круговых движений в области запястья, рыжая отметила непривычные ощущения, связанные с практически нулевым опытом работы с одноручными мечами. Все-таки любимая девушкой катана отличалась от дзяня как внешне, так и заложенной ее создателями философией и, соответственно, техникой и способами применения.

Задание, кажущееся на первый взгляд не таким уж и сложным, не могло обмануть Маргариту, побывавшую на нескольких десятках мастер-классов, своей кажущейся простотой. Даже не разучивая конкретные удары и не практикуя уместные в бою действия, ученикам приходилось изрядно попотеть, чтобы освоить базовые стойки и привыкнуть к особенностям конкретного оружия. Поэтому к выполнению практической части Эрнандес подошла со всей ответственностью и максимальной концентрацией. Встав в уже привычную для тех, кто когда-либо обучался рукопашному бою, позу всадника, Рита вытянула вперед правую руку, держащую

цзянь, и сделала небольшой круг острием меча по часовой стрелке. Затем еще один – побольше и еще, не останавливаясь до тех пор, пока мышцы руки не начали гудеть, предупреждая о накапливающейся усталости. Поменяв направление движения острия цзяня и направив его против часовой стрелки, девушка доделала первую часть упражнения, а когда несчастную конечность начало трясти от перенапряжения, переложила меч в левую руку, повторив все сначала.

Движения получались не слишком красивыми, а круги - больше похожими на пьяные овалы, но и этого хватило, чтобы Маргарита признала эксперимент удавшимся. За написание иероглифов девушка не стала даже и браться, остановившись на изображении нескольких букв испанского алфавита, что тоже получилось далеко не идеально, но, главное, все-таки, получилось. А вот со стихотворением вышла небольшая заминка. Зная немало русских и испанских стихов, рыжая почему-то не могла вспомнить ни строчки, а единственным, что пришло ей в голову, стала дурацкая детская считалочка «Вышел месяц из тумана». Но задание есть задание, поэтому Рита, старательно выписала в воздухе «буду резать, буду бить» и, на том окончательно выдохнувшись, признала, что для нее этот мастер-класс завершён.

Юншэн Лю

Насколько прежде Юншэн был ленив и ходил лишь на те занятия, от которых не удавалось откосить, настолько трудолюбивым он стал теперь, когда появилась причина, чтобы шевелиться и чего-то добиваться. Кто бы мог подумать, например, что его занесет аж не тренировку по цзяню, о котором он знал лишь то, что с этим оружием любили заниматься у-шу бабушки во всех китайских парках. Но сифу Ньюо не был похож на бабушку хотя бы тем, что он был дедушкой. Вернее, очень уважаемым старшим мастером, преподававшим крайне редкие и странные навыки.

Юншэн вежливо ему поклонился и встал напротив, чтобы выслушать задание. Цзянь казался очень странным оружием - длинный, тонкий, не казавшийся ни удобным, ни прочным. Что-то такое, что отлично сочетается с летящим ханьфу в фильмах жанра у-ся и неприменимо в реальном мире ни против людей Чуна сяньшена, ни против гопников в подворотне. Но зато, да, красиво. Особенно если раздобыть ханьфу. Но Янлин вряд ли впечатлит.

Юншэн выбрал меч, который подходил ему по длине, и взвесил его в руке. Пока цзянь показался довольно легким, но вряд ли эта легкость будет ощущаться к концу тренировки. Юншэн встал в позу всадника и выставил меч вперед, как показывал сифу Ньюо. Локоть он держал немного согнутым, как следовало делать при любых атаках, чтобы в случае контратаки противнику было сложнее этот локоть сломать. Да и напряжение так копилось медленнее.

Первые круги получались без особых сложностей: сначала небольшие, потом их радиус расширялся, и запястье не сильно уставало от меча. Первые минут пять-семь, после чего Юншэн переложил цзянь в левую руку и повторил упражнение. Через некоторое время он начал понимать, что не все так просто, как казалось со стороны, а после получаса тренировки проникся уважением к бабушкам в парке, потому что рука начинала трястись.

Чтобы хоть немного разнообразить нагрузки, он начал выписывать в воздухе

иероглифы. Например, писал имя Янлин, не стесняясь этого, потому что с его способностями к каллиграфии и цзяню вместе взятым разобрать то, что он там выводил, было абсолютно нереально. Левая рука слушалась еще хуже, и иероглифы ей не удавались совсем. Только ноги и спина уверенно держали позу всадника, благодаря тому, что в рукопашном бою Юншэн уже чему-то успел научиться.

Когда он попытался вывести в воздухе уже на английском всплывшую в памяти строчку "Here's much to do with hate, but more with love"*, рука предательски дрожала, и цзянь чуть не выпал из уставших пальцев. Юншэн попытался повторить то же самое левой рукой, но не дошел и до середины строки. Он размял правое запястье, и повторил попытку, которая на этот раз с трудом получилась, хоть в завитках, которые выписывало острие меча, было нереально разобрать латинские буквы. После этого Юншэн решил, что с него хватит, отнес меч на место и поклонился мастеру.

Возможно, цзянь и не был практичным оружием, но для того, чтобы понять границы собственного неумения и почувствовать слабость в кистях он подходил отлично.

*"И ненависть мучительна и нежность" из "Ромео и Джульетты".

Юэ Шэ

Мастер Ньяо очень редко проводил тренировки с цзянем, Юэ не могла припомнить ни одной из них, и поэтому решила не упускать возможности и сходить на это занятие. Цзянь было довольно любопытным оружием, которое все чаще воспринималось как гимнастический снаряд, а не как боевой меч, хотя традиции владения им хранили секреты эффективных боевых техник, наверняка хорошо знакомых сифу Ньяо. И внешняя красота не мешала цзяню оставаться боевым мечом. Юэ приветствовала старшего мастера вежливым поклоном и стала слушать то, что он рассказывал о цзяне.

Меч, который похож чем-то на кисть для каллиграфии. Тонкое смертоносное оружие, быстрое и изящное. Очень странное для тигра, и поэтому потенциально очень эффективное. Юэ выбрала цзянь, который подходил ей по длине, что оказалось довольно сложно. После этого она встала в позу всадника, выставила вперед левую руку с мечом и стала выписывать круги. Юэ была левшой, и с этой руки ей было проще начинать упражнение. Поначалу все получалось неплохо, но через какое-то время кисть стала уставать, и Юэ перехватила цзянь в правую руку, с которой было немного сложнее.

Следом за кругами Юэ стала выписывать иероглифы своего имени, это было сложнее, а рука к тому времени уже начала уставать. Но девушка старалась, чтобы элементы иероглифов были аккуратными и разборчивыми, потому что от точности движений меча все же зависела его эффективность в бою, и упражнение касалось умения контролировать оружие, а не просто разработки кисти и запястья.

Под конец тренировки Юэ стала выписывать ченьюи, каждый из которых состоял из четырех иероглифов. Она делала это до тех пор, пока левая, а потом и правая рука не начали дрожать от напряжения. Лишь после этого Юэ отнесла цзянь на место,

завершив тренировку, и поклонилась старшему мастеру, благодаря его за этот урок.

Сонгцэн Кэйлаш Садхир

Несмотря на яркое солнце, было холодно и ветрено, и на улице было немного неприятно находиться в одной тренировочной рубашке, пусть она и была из плотного хлопка и с длинным рукавом. Но Сонгцэн надеялся, что во время тренировки будет жарко, и поэтому не стал одеваться теплее, отправляясь на занятие к сифу Ньяо. Сонгцэн вежливо поклонился старшему мастеру.

Сифу Ньяо был типичным магом Воздуха: он всегда находился мыслями где-то далеко, в других кругах Сансары, знал многое о том, чем никто даже не думал интересоваться, и преподавал навыки владения редким и очень интересным оружием. Цзянь даже для Сонгцэна, принадлежавшего двум кланам боевых магов, был экзотикой. Но экзотикой красивой и интересной.

Тонкий и длинный меч был красиво украшен, кисть придавала ему немного странный вид, но она была там не только для красоты. Выслушав рассказ мастера об оружии и задание, Сонгцэн взял подходящий по длине меч и принял позу всадника. В этой стойке он мог стоять долго, потому что большинство ударов изначально отрабатывались с ней. Да и для укрепления мышц мастера любили поручать длительные стояния в позе всадника, советовавшиеся с медитациями.

Сонгцэн выставил вперед правую руку, в которой держал цзянь, и стал выписывать кончиком меча круги все большего диаметра. Это было не очень сложно, все же ему доводилось обращаться с другими видами оружия. Когда правая рука стала уставать, он взял меч в левую и повторил упражнение, стараясь, чтобы круги получались ровными. Он рисовал их, двигая кончик клинка по часовой стрелке и против, чтобы приучить запястье к разным движениям. После кругов он начертил в воздухе несколько иероглифических ключей, затем написал свое имя на китайском и на непальском. К этому времени обе руки уже сильно устали, и тренировку пришлось прервать. Сонгцэн сдал меч и попрощался с мастером поклоном.

После тренировки он не чувствовал холода. Либо из-за того, что, несмотря на небольшое количество движений, все же устал физически от позы всадника, и больше устали руки, державшие меч, либо из-за того, что магу Огня все же не так просто замерзнуть, даже когда наступила осень, и ветер стал холодным. Но Сонгцэн все же не стал задерживаться на улице и отправился домой, чтобы отдохнуть, потому что вечером ему предстояли новые тренировки. Сейчас он занимался больше, чем прежде, готовясь к экзамену в клане, потому что с этим экзаменом возникла хоть какая-то ясность.

Дин Ху

Дин пришел на тренировку из любопытства. Ему казалось, что цзянь - это красиво и интересно, но еще интереснее, что вел занятие сифу Ньяо. Каждый из старших мастеров был со своей чудинкой, но их занятия всегда были любопытными. И Дин надеялся узнать что-нибудь интересное о цзяне.

То, что рассказывал об этом оружии сифу Ньяо, не противоречило обрывочным знаниям Дина. Ему представлялось, что цзянь - это меч, с которым ходил какой-

нибудь ученый, поэт или политик. Худощавый, заумный, но все равно способный за себя постоять, не сильно напрягая руки. Только вот последний тезис опровергло задание, которое дал старший мастер.

Дин считал, что неплохо подготовлен физически. Поза всадника была для него привычной и понятной: ноги согнуты так, что бедра параллельны земле, спина прямая, нижняя часть корпуса тянется вниз, как бы корнями уходя в землю, а верхняя расслаблена и тянется вверх. Дин выставил вперед цзянь и начал рисовать в воздухе кружочки по часовой стрелке и против часовой стрелки. Через несколько минут он заметил, что цзянь не такой уж и легкий, а запястье устает. Пришлось сменить руку, которая устала еще быстрее. Дин стал чаще чередовать руки, выбирая новые задания: писал разные иероглифы и латинские буквы, строки стихов, рисовал рожицы. Он старался, чтобы движения цзяня становились легкими и точными.

Локоть уставал даже быстрее запястья, и в итоге Дин все же почувствовал, что на сегодня с него хватит. Ему понравилось тренироваться с цзянем - этот меч был очень тонким, изящный и оттого наверняка очень быстрым в реально бою. Дин не отказался бы снова посетить занятие с мастером Няо, посвященное этому причудливому оружию древних ученых мужей. Вот сифу Няо цзянь очень подходил, как сам старший мастер наверняка чувствовал бы себя комфортно в эпоху Мин, а то и в эпоху Троецарствия.

Ши Няо

Ученики работали на совесть. Они не сдавались, когда почувствовали усталость, и перешли к более сложным упражнениям, чем простое выписывание кругов острием цзяня. Няо наблюдал за ними с большим интересом. Все эти ученики впервые держали в руках цзянь, он это видел, но у каждого из них была возможность развить технику, если появится такое желание. Для этого придется много времени уделить упражнениям и пониманию именно этого типа оружия, но такие тренировки помогали расширить свой разум, впуская в него новые знания, и были полезны далеко не только для гипотетического боя.

Когда занятие закончилось, Няо попрощался с учениками, собрал тренировочное оружие и отнес сего в мастерскую. После этого он отправился на прогулку, потому что погода располагала к тому, чтобы ловить остатки уходящего тепла перед зимними холодами и слушать, что расскажет ветер, который гуляет по всему Тибетскому плато, зная вкус настоящей свободы.

Мастер-класс завершен.
